ВОСХОЖДЕНИЕ К ПРОСТОТЕ

МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ

Вспоминаю: первое знакомство с Игорем Ильинским, актером, состоялось еще до войны, в раннем детстве. Шел «Лес» Островского в постановке В. Мейерхольда. Ильинский играл Аркашку Счастливцева. В одной из сцен его герой удил рыбу. Удочка была настоящая, а рыбу надо было ловить воображаемую. И совершалось чудо: «рыба» билась в ладонях Аркашки, выскальзывала из его рук, и ему приходилось проявлять чудеса ловкости, сноровки, чтобы все же укротить ее. Наблюдая за этим «поединком», зрительный зал неизменно награждал актера громом аплодисментов.

Искусство пантомимы, буффонады, циркового трюка, феерической комизм демонстрировал в роли Счастливцева Игорь Ильинский, в то время уже популярнейший актер или, как тогда любили говорить, звезда немого кино. Фильмы «Процесс о трех миллионах», «Праздник святого Йоргена», «Закройщик из Торжка» и другие с участием Ильинского смотрели все — от мала до велика — всюду, где тогда был киноэкран.

Казалось, обладая уникальным комедийным даром и владея поистине фантастической техникой, актер мог вполне быть доволен собой и эксплуа-

тировать с успехом многие-много годы уже обретенное. Но Ильинский не был бы Ильинским и не стал бы тем, кем он стал, если бы позволил этому успеху загнипотизировать себя и почитал, что достиг всего, о чем может мечтать актер.

Любителям театра хорошо известен факт, что в том же «Лесе» режиссер предложил Ильинскому в одном из эпизодов выходить на сцену с чайником, на котором краской большими буквами было написано «Лес». Каждый раз перед тем, как появиться перед публикой, актер тщательно стирал эту надпись. Режиссер гневался, на чайнике вновь и вновь писали злополучное слово, но Ильинский неизменно, упрямо за минуту до выхода из-за кулис все же умудрялся смывать краску. Надпись мешала его правдивому самочувствию в роли.

В этом факте есть нечто очень характерное для всего творческого пути и поисков Ильинского, пути, который можно определить как восхождение к простоте. Мудрой человечностью, стремлением к «выразительной скудости», по словам самого Ильинского,

отличаются лучшие работы актера в последнее время, будь то образ Льва Толстого в спектакле Малого театра «Возвращение на круги своя» или многообразные выступления на телевидении, за которые он выдвинут на соискание Ленинской премии.

Дорого стоит эта простота. Ведь она не сама собой дается. Она требует от художника всей его филигранной техники, а главное, всего запаса душевных сил, накопленных за годы долгой, наполненной непрерывным трудом жизни в искусстве. Она — итог глубокого философского осмысления художественного материала, неустанных поисков наиболее совершенной формы.

Актер виртуозно владеет всем арсеналом средств перевоплощения: пластикой, гримом, костюмом. Но он может и не прибегать к внешней выразительности, оставаясь перед телеэкраном самим собой, и все же магия творчества заставляет зрителя видеть не его, Ильинского, а чеховскую Душечку, толстовского Карла Ивановича или гоголевских Афанасия Ивановича и Пульхерию Ивановну. Ильинский

как бы высвечивает самую душу классического творения, заставляя выделяться его сокровенную человеческую теплоту, его до поры скрытую энергию чувств. Скажем, ту же Душечку всегда читали, только иронизируя над героиней, а Ильинский увидел в ней трогательную преданность, почти музыкальную отзывчивость на близкое ей сердце. И в рассказах Зоценко актер вскрыл до него не обнаруженный, как бы потаенный слой человечности.

Предстает ли Ильинский на экране телевидения в этих «разных, разных, разных лицах» или просто читает «с листа», делится воспоминаниями о Маршаке и Маяковском, беседует со школьниками о том, какие богатства заложены в творениях классики, он всегда во всеоружии своего мастерства, на высоте искусства, щедро содержательного, истинно народного, отмеченного печатью ярчайшей индивидуальности художника и в то же время очищенного от наслоений случайного и доведенного до кристальной ясности.

Поражает и духовная молодость выдающегося мастера: достигнув заветных вершин, он продолжает восхождение все к новым.

Георгий КАПРАЛОВ.

ПРАВДА
г. МОСКВА

№ 9 АПР 1980